

Учитель учил меня следовать Воле Небес и отвечать ожиданиям людей, спасти мир и дарить покой народу, и это никогда не стало бы помехой на моём пути к Дао и умиротворению Поднебесной.

Иллюзия вновь изменилась, превратившись в изгнанников из Сици. Старики, слабые женщины и дети пали на колени, горько умоляя: — Учитель! Почему ты бросил нас? Мы ждём тебя в Сици, а ты отправился на Куньлунь искать бессмертия, не заботясь о том, живы простые люди или мертвы, как же ты эгоистичен!

В сердце Цзяня защемило от боли, но он остался непоколебим: — Я ищу Дао как раз ради спасения мириад людей, и это временное расставание ради долгого мира, здесь нет и капли эгоизма.

Иллюзия переменялась вновь, явив дворец ди Чжоу из Шан, где орудовали Паолао и Чайпэнь, а куски плоти и крови летели во все стороны. Дацзи безумно хохотала, а ди Чжоу прокричал грозным голосом: — Цзянь Шан! Ты посмел пойти против Небесной Воли Великой Шан, я непременно разорву тебя на десять тысяч кусочков и истреблю твой род до девятого колена!

Цзянь Цзяня сохранял невозмутимость в Чертоге Духа: — Чего бояться в иллюзии тирана? Небесная Воля заключена в народе, а не в одиноком тиране.

Иллюзия вновь обернулась богатством и знатностью, высокими чинами и щедрыми жалованьями, горами золота и нефрита. Соблазнительный голос раздался справа: — Зачем усердно постигать Дао? Не лучше ли спуститься с гор наслаждаться богатством и славой, стать государственным канцлером, провести жизнь в роскоши и жить беззаботно и радостно!

В сердце Цзяня не было и ряби: — Золото и нефрит — лишь грязь, богатство и слава — как плывущие облака. То, к чему стремлюсь я, — это мир в Поднебесной, покой и радость для мириад людей, а не личное процветание.

Семь дней и семь ночей леденящий холод пробирал до костей, сотни видов Внутренних Демонов и тысячи разновидностей иллюзий раз за разом атаковали его разум. Цзянь Цзяня всё это время не ел и не двигался, не произносил ни слова, его сердце было подобно стоячей воде, а помыслы непоколебимы. Он охранял своё истинное сердце, охранял Великое Дао, охранял Небесную Волю, не сдвинувшись ни на йоту.

В ночь седьмого дня каменные ворота открылись, хлынул яркий свет.

Обитавший на горе бессмертный юноша вошёл внутрь и увидел, что Цзянь Цзяня по-прежнему сидит с прямой спиной, его выражение лица безмятежно, дыхание ровно, а в глазах не было ни тени колебаний, и на лице промелькнуло одобрение.

Стоявший слева бессмертный юноша с улыбкой произнес: — Какая стойкость! Какое Сердце Дао! Юноша девятнадцати лет способен пройти испытание успокоения сердца и противостоять

мириадам демонов без единого движения — это редчайшее явление с древнейших времен. Первое испытание пройдено!

Цзян Цзыя медленно открыл глаза, и хотя дыхание его было слабым, взгляд стал еще более чистым и прозрачным. Он почтительно поклонился: — Благодарю бессмертного юношу за защиту, младшему посчастливилось пройти испытание.

Стоявший справа бессмертный юноша сказал: — Второе испытание: испытание распознавания истины. Всё в этом мире окутано внешними покровами: золото прячется в грубых камнях, коварные лстецы носят личины человеколюбия, а Великое Дао скрывается в обыденности. Среди этой кучи хаотичных камней ты должен с первого взгляда определить, в каком из них спрятан нефрит, а какой — всего лишь булыжник. Не поддавайся на внешнюю ложь и обман, узри самую суть — только тогда испытание будет пройдено.

Он взмахнул рукавом, и на земле появилась огромная куча беспорядочных камней разного размера и формы. Все они выглядели серовато-бурыми, шероховатыми и совершенно ничем не примечательными. На первый взгляд они ничем не отличались друг от друга, и никто не мог знать, есть ли внутри настоящий нефрит.

Цзян Цзыя медленно шагнул вперед. Применяв искусство чтения ци, познания внутренней природы вещей и проникновения в сокровенное, которому научил его учитель, он слегка прищурил глаза, и духовный свет озарил всё вокруг. Он не смотрел на внешнюю оболочку, а всматривался лишь в движение ци и сокровенную сущность внутри камней.

Внутри обычных камней царил мертвая тишина, не было ни истинной сущности, ни духовной энергии, ни мягкого теплого сияния.

В камне же с нефритом, несмотря на грубую кору, таилась чистая, мягкая духовная энергия и ласковое сияние сокровищ, скрытое внутри и не выплёскивающееся наружу, которое можно было безошибочно распознать с первого взгляда.

Он бегло окинул их взглядом, и не прошло и мгновения, как протянул руку к самому незаметному и уродливому на вид камню размером с кулак: — В этом камне сокрыт теплый и безупречный нефрит.

Затем он указал на остальные камни: — Всё остальное — лишь булыжники без драгоценного нефрита внутри, обладающие лишь внешней оболочкой.

Бессмертный юноша улыбнулся, взял этот камень и легко смахнул с него каменную кожу при помощи бессмертной магии. Немедленно обнажился сияющий мягким белым светом, излучающий сдержанный блеск нефрит, лишенный изъянов и дефектов — поистине редчайшее сокровище.

— Ты действительно с первого взгляда узрел суть, не поддался на внешние обманы и ложные

видимости. Когда сердце ясно — взгляд остер, когда сердце истинно — вещи настоящие. Второе испытание ты тоже прошел!

Цзян Цзыя поклонился: — Я лишь заглянул в свое сердце и не позволил внешним формам ввести меня в заблуждение.

Стоявший слева бессмертный юноша произнес: — Третье испытание, оно же самое главное: испытание умения остановиться и сделать выбор, также известное как испытание Небесной Воли. Перед тобой две вещи, и ты можешь выбрать только одну. Выберешь правильно — сольешься с Небесным Путем, Небесной Волей и миссией всей своей жизни; выберешь неверно — в сердце твоём поселится алчность и нетерпение, ты предпочтешь сиюминутную выгоду Дао и не сможешь взвалить на свои плечи великую ношу Поднебесной. Тогда ты немедленно спустишься с горы и больше никогда не увидишь Тяньцзуня.

Бессмертный юноша взмахнул рукавом, и по обе стороны от него появились две корзины:

Левая корзина была доверху наполнена живой крупной рыбой, сочной и отборной. Готовое угощение, которое можно съесть немедленно, утолить голод и холод здесь и сейчас, получив сиюминутную выгоду без всяких усилий.

В правой корзине лежала лишь старая, потрепанная и грубая рыболовная сеть. Никакой рыбы там не было, немедленно утолить голод она не могла, но позволяла долгое время ловить рыбу, добывая пропитание собственным трудом и обеспечивая непрерывную жизнь.

Бессмертный юноша сурово спросил: — Цзян Шан, сейчас ты голоден и замерз, пережил смертельные опасности и предельно истощен. Перед тобой корзина готовой рыбы и сеть для долгого улова. Что ты выберешь — готовую рыбу или сеть?

Стоявший рядом второй юноша добавил: — Разрешается сделать выбор лишь единожды, без права на отмену. Выбрать рыбу — значит позариться на сиюминутную мелкую выгоду, жаждать быстрого успеха, проявлять легкомыслие и нетерпение, не думая о будущем; выбрать сеть — значит знать меру, не поддаваться алчности и спешке, ценить корень вещей, следовать долговечному Великому Дао и принять на себя великую миссию Небесной Воли.

Цзян Цзыя посмотрел на обе корзины, и в его сердце не дрогнуло ни единой волны.

Он вспомнил слова учителя на горе Суншань: брать в середине, искать в изгибе; ожидать удобного момента, не форсировать события; не гнаться за заслугами, не цепляться за власть.

Он вспомнил народ Сици, который желал не сиюминутного сытого покоя, а мира на поколения вперед.

Он вспомнил охваченную хаосом Поднебесную, где молил не о временном спасении, а о вечном

мире.

Рыба закончится, как только ее съедят — это лишь минутная выгода, которой когда-нибудь придет конец.

Сетью можно пользоваться бесконечно — это коренное Дао, неисчерпаемое и вечное.

Без малейших колебаний он шагнул к рыболовной сети, протянул руку, взял ее и, поклонившись бессмертным юношам, произнес: — Младший выбирает сеть.

Яркий свет вспыхнул в глазах бессмертных юношей, и они дружно рассмеялись: — Прекрасно! Как прекрасен этот выбор! Не позариться на сиюминутную легкую выгоду, не искать сиюминутного покоя, глубоко осознавать, что дать человеку рыбу лучше, чем научить его рыбачить, а наводить порядок в государстве на время хуже, чем обеспечивать его мир на века. Твое сердце чисто от алчности, нрав твой не знает суеты, устремления твои устремлены в будущее, а на плечах лежит забота о мириадах людей — третье испытание пройдено блестяще!

Цзян Цзыя поклонился: — Младший просто последовал своему истинному сердцу и Небесной Воле, не смея поддаваться жадности.

Оба бессмертных юноши одновременно отступили в сторону, сложили руки перед дворцом Юйшюй и громко произнесли: — Докладываем Тяньцзуню! Цзян Шан успешно прошел все три испытания: его сердце праведно, Дао праведно, устремления праведны и выбор праведен. Он достоин принять закон бессмертных небожителей и понести великую миссию введения в Списки Божеств и умиротворения Поднебесной! Просим Тяньцзуня явить свой лик!

Едва стихли эти слова, как над всей вершиной Куньлунь зазвучала музыка бессмертных, взметнулись мириады благоприятных облаков, золотой свет залил всё вокруг, с небес дождями сыпались цветы, а из земли поднимались золотые лотосы.

Врата Дворец Юйшюй медленно распахнулись до конца. На девятицветном лotosовом троне восседала высочайшая фигура: облаченный в бессмертные одежды из солнечных и лунных облаков, с короной из гибискуса на голове, с мягким и величественным ликом, со сдержанным духовным светом и мощью, способной поглотить небо и землю — это был не кто иной, как глава Учения Чань, Юань-ши Тяньцзунь.

Цзян Цзыя никогда прежде не видел столь возвышенного лика бессмертного, но в его сердце естественным образом родились благоговение, близость и почтение. Он тут же опустился на колени, простершись ниц в глубоком поклоне, и его голос звучал почтительно и твердо:

— Младший Цзян Шан, девятнадцати лет от роду, приветствует Тяньцзуня! Желаю постичь Истинное Дао, дабы принести мир Поднебесной, спасти мириады людей из огня и воды, следовать Воле Небес и умереть без сожалений!

Юань-ши Тяньцзунь слегка приоткрыл глаза, и его мягкий духовный свет проник в тело и душу Цзя, пронзая насквозь его карму трех жизней, тяжелые узы мирских связей и лежащую на нем Небесную Волю. Он заговорил тихим голосом, который не был громким, но пронесся по всей вселенной, согревая милосердием и неся в себе непревзойденное величие: — Цзян Шан, встань.

Цзян Цзя послушно поднялся, склонив голову и застыв в почтительной позе, не смея поднять взгляд.

Тяньцзунь неторопливо произнес: — У тебя есть предрасположенность к бессмертию, ты мог бы постичь долголетие и занять место в сонме бессмертных. Но твои мирские кармические связи слишком тяжелы, мирские узы слишком глубоки, а Небесная Воля слишком серьезна. Великое дело введения в Списки Божеств в мире людей, бедствие смены династий Шан и Чжоу, задача умиротворения мириад людей — всё это возложено на твои плечи. Путь бессмертных прекрасен, но тебе не суждено долго пребывать в нем; мир людей полон страданий, но ты обязан туда отправиться.

Сердце Цзя дрогнуло, и он, склонившись, произнес: — Тяньцзунь, неужели младший... не сможет достичь бессмертия и постичь Дао, чтобы вечно пребывать в обители бессмертных?

Тяньцзунь мягко улыбнулся: — Дело не в том, что тебе запрещено становиться бессмертным, просто твоя миссия превосходит путь бессмертного. Стать бессмертным — значит спасти лишь самого себя; войти в мир людей — значит спасти мириады людей, упорядочить три мира и навести порядок в Списках Божеств. Твоя Небесная Воля заключена не в долгом куньлуньском долголетии, а в смутных временах человеческого мира. Тебе предстоит стать не отшельником, избегающим мира, а спасителем людей, наставником государей и владыкой Списков Божеств.

Цзян Цзя слегка нахмурил брови, чувствуя в сердце нежелание подчиняться, и тихо переспросил: — Ученик прошел через девять смертей и одну жизнь, взошел на десяти тысячааженную Куньлунь, претерпел холод и голод, сразил Внутренних Демонов лишь ради поиска Великого Дао и вечного избавления от смут и распрей мирских. Почему Небесный Путь избрал именно ученика, заставляя меня снова погрузиться в пыль мира смертных и вновь пережить опасности?

Тяньцзунь легко вздохнул: — Небесный Путь беспристрастен и благоволит лишь к добродетели; пусть путь бессмертных чист, он не сравнится со спасением мира. Твое Сердце Дао чисто и добродетельно, ты любишь народ и исполнен человеколюбия. Если ты будешь совершенствовать лишь собственное тело, это станет растратой даров неба и земли; если же ты спасешь Поднебесную, то не посрамишь дарованные тебе природные задатки. Долголетие обрести легко, а вот простомудрей спасти трудно, мир навести сложно — понимаешь ли ты всю важность этого?

Цзян Цзя умолк на мгновение. Подняв голову, он всё еще не смел взглянуть на лик бессмертного, но в его тоне появилось больше искренности: — Ученик... понимает, что судьба простого народа превыше всего. Только при мысли о жестокости ди Чжоу, о военных пожарах смутного времени и трупах, устилающих поля, ученик испытывает и жалость, и страх. Ученику

всего девятнадцать лет, и хотя он изучал кое-какие стратегии и искусства Дао, он никогда не правил государством, не командовал армией и не вершил судьбы богов. Сможет ли он действительно вынести столь тяжкое бремя?

— Ты боишься своей неспособности или смертельных опасностей? — мягко задал вопрос Тяньцзунь.

— Ученик не боится ни смерти, ни трудностей, ни опасностей. Я боюсь лишь того, что моих талантов и добродетелей окажется недостаточно, и я испорчу великое дело введения в Списки Божеств, подведу простой народ Поднебесной и обману доверие Тяньцзуня, — Цзян Цзыя склонился, и его голос слегка дрожал. — Если по вине единой ошибки в моих помыслах или просчета в стратегии война затянется еще дольше, простой народ станет страдать еще сильнее, а порядок в трех мирах рухнет — грехи ученика будут столь велики, что за них не искупить и смертью.

Услышав это, Тяньцзунь посмотрел на него с еще большим милосердием: — Раз в тебе есть такое благоговение, ты уже способен нести столь великую ношу. Обладать талантами и не гордиться ими, иметь способности и не бояться, не уклоняться от ответственности и обладать Дао без эгоизма — вот истинный полководец в мире людей, истинный владыка трех миров. Ты прошел все три испытания: не алчен, не заблуждаешься, непоколебим и не подвержен искушениям, и во всем мире не сыщется второго столь же чистого и твердого человека, как ты.

Цзян Цзыя склонил голову: — Младший глуп и неразумен, но желаю внимать наставлениям Тяньцзуня.

— Ныне колесо времен вращается, срок династии Шан подходит к концу, нечисть возмущает порядок при дворе, невинные гибнут; истинный правитель Сици должен подняться, его человеколюбие и добродетель прольются на мир, и сердца людей обратятся к нему. Божества трех миров также обретут новые титулы и упорядочат свою иерархию — это великое бедствие введения в Списки Божеств, единственное за мириады веков.

Взгляд Тяньцзуня пал на него, исполненный чрезвычайной торжественности:

— Эту миссию, кроме тебя, некому исполнить.

Ныне я передаю тебе истинное учение Чань, искусство умиротворения государства и успокоения народа, секреты походов и расстановки арманд, перемены инь и ян, вершины фэншуй и драконьих жил, а также власть издавать указы и вводить в Списки Божеств. Наверху ты сможешь повелевать божествами, внизу — успокаивать мириады людей, в середине — устанавливать порядок в Поднебесной, сокрушать нечисть и исправлять государственные устои.

Цзян Цзыя всем телом задрожал, вновь опустился на колени и поклонился: — Младший обладает скудными добродетелями и мелкими талантами, боюсь, я не оправдаю доверия Тяньцзуня!

— Ты прошел все три испытания, твое сердце свободно от демона алчности, а твои устремления обращены на успокоение народа. Хотя ты молод, твое Сердце Дао уже твердо и достаточно для того, чтобы нести столь великое бремя.

Юань-ши Тяньцзунь поднял руку, и поток золотого света вошел в межбровье Цзыя. Бесчисленные учения, тайные формулы, талисманы, магические формации, указы о введении в Списки Божеств, звезды и сокровищницы неба, горные драконьи жилы и методы управления государством мгновенно хлынули в море его сознания, слившись воедино. Они далеко превосходили то, чему некогда учил Сюань Вэйцзы, достигая самого первоисточника Небесного Пути.

Юноша почувствовал, как всё его тело окутывает теплом, холод, усталость и голод рассеялись без следа. Разум его прояснился, зрение обострилось, магическая сила многократно возросла, Сердце Дао достигло совершенства, а вокруг тела заструилась чистая ци — он уже не был обычным смертным.

Закрыв глаза и помедитировав с мгновение, он вновь поклонился: — Тяньцзунь, столь великие и не имеющие равных учения обладают бесконечными чудесными свойствами, и ученик считает себя недостойным их. Если в будущем во время странствий по миру людей кто-то станет принуждать меня грубой силой или вредить с помощью злых духов, вправе ли я дать волю расправе со злом и принимать решения самостоятельно?

Тяньцзунь ответил: — Праведных поддерживай, зло уничтожай, идущих против Небесного Пути караи, следующих воле народа помогай. Держа в руках указы о введении в Списки Божеств, ты являешься воплощением Небесного Пути в мире людей и можешь действовать по обстоятельствам, не дожидаясь указаний на каждый шаг. Лишь храни в чистоте сердечное человеколюбие, не убивай без разбора, не потакай личным интересам и не вымещай злобу.

— Ученик будет помнить это.

Тяньцзунь продолжил: — Я дарую тебе духовное имя: Фэйсюн. Отныне в странствиях по миру людей твое духовное имя — Фэйсюн. Все последователи нашего Учения Чань и праведные божества трех миров, услышав это имя, должны будут выказать уважение и подчиниться твоим приказам.

Цзян Цзыя ударил челом о землю: — Ученик Цзян Шан благодарит Тяньцзуна за дарование духовного имени и передачу Великого Закона! Я, Фэйсюн, навек запечатаю в сердце милость небес и не посмею ее опозорить!

Немного помедлив, он тихо спросил: — Тяньцзунь, таят ли в себе два слова Фэйсюн какой-то глубокий смысл?

Тяньцзунь медленно промолвил: — Медведь — это стойкость, основательность, скрытое острие и простота снаружи при твердости внутри. В покое он подобен горе, в движении — потрясает небеса. Отныне в своих делах в мире ты должен уподобиться летающему медведю: скрываться

в глубинах, затаиваться в глуши, не подавать голоса попусту, но одним взлетом определять судьбу Поднебесной. Это имя гармонирует с твоим характером, с твоей Небесной Волей и с траекторией всей твоей жизни.

— Ученик понял, благодарю Тяньцзуня за разъяснение.

С этого момента Цзян Цзыя временно поселился во Дворце Юйшюй на горе Куньлунь для постижения учений. С того самого дня, как он обрел духовное имя Фэйсюн и получил истинный закон Небесного Пути, пролетел ровно один год. Бывший девятнадцатилетний юноша в мгновение ока достиг двадцатилетия: его фигура стала еще более ладной, манеры — чистыми и невозмутимыми, а в чертах лица поубавилось юношеской неуверенности, уступив место величественной и спокойной осанке истинного адепта Дао.

Во Дворце Юйшюй царили чистота и ясность, погода вечно напоминала весну, не зная смены холодов и зноя, а мирские заботы не касались этих мест. Белые журавли носили целебную траву-чжи, пятнистые олени прогуливались повсюду, повсюду звучала музыка бессмертных, а духовная энергия была столь густой, что почти превращалась в росу. Цзян Цзыя не смел проявлять и капли нерадивости, строго соблюдая правила обители бессмертных и наставления Тяньцзуня. Каждое утро он вставал до рассвета и не позволял себе поддаться сну ни на мгновение.

Еще не наступал час инь, а луна и звезды все еще висели в зените, когда он покидал тихую келью и поднимался на облачную площадку перед Дворцом Юйшюй. Там он усаживался в позе лотоса, в течение двух часов регулируя дыхание и совершая выдохи и вдохи, втягивая чистую и светлую ци неба и земли, чтобы соединить ее с внутренними законами Дао. Он позволял своему духу слиться воедино с солнцем, луной, звездами, горами и драконьими жилами, изгнав из сердца все посторонние мысли, пока Чертог Духа не становился кристально чистым, а мириады методов не сходились к единому началу — лишь тогда он поднимался на ноги.

Охраняющие гору бессмертные юноши часто составляли ему компанию, и видя, как он поступает так изо дня в день, не бросая практику круглый год, они проникались к нему еще большим уважением.

Утром того дня, как только Цзян Цзыя завершил медитацию, стоявший слева юноша с улыбкой подошел к нему: — Старший сородич Фэйсюн, вот уже год ты поднимаешься каждый день в час инь без единого пропуска. Даже среди бессмертных, что веками практикуют в нашем Дворце Юйшюй, мало кто обладает такой же настойчивостью и стойкостью, как ты.

Цзян Цзыя сложил руки в приветствии, и его лицо выражало искреннюю скромность: — Уважаемые юноши переоценивают меня. Мои корни поверхностны, а мирские узы тяжелы. Если я не буду усердно совершенствоваться день за днем без промедления, то как смогу оправдать доверие Тяньцзуня, великую задачу введения в Списки Божеств и чаяния простого народа Поднебесной? Стоит проявить минутную нерадивость — и можно ошибиться на тысячу ли, упустив небесный шанс. Я не смею этого делать и не имею права.

Стоявший справа юноша вздохнул: — Старшему сородичу всего двадцать лет, но его душевное равновесие и стойкость превосходят многих старых небожителей. Неудивительно, что Тяньцзунь выбрал именно тебя: в Поднебесной поистине нет другого человека, кроме тебя, способного понести миссию введения в Списки Божеств.

Цзян Цзыя слегка покачал головой: — Раз на мне лежит эта миссия, остается лишь отдать ей жизнь до конца. Я не смею говорить о том, что способен справиться, смею лишь обещать приложить все силы.

Завершив медитацию, он вернулся в тихую келью, уселся на нефритовое ложе с узором из облаков и почтительно обеими руками взял древний бамбуковый свиток. Свиток имел темновато-желтый оттенок, глубокий узор и на нем едва заметно переливался духовный свет — это было древнее сокровище, передаваемое из поколения в поколение, первая часть Чжоу И.

Тексты на бамбуке были архаичными, скрывающими в себе принципы инь и ян вселенной, механизмы изменений всех вещей, знамения удачи и беды, а также пути наступления и отступления, выживания и гибели. Цзян Цзыя не просто заучивал наизусть гексаграммы и строки к ним, а вникал в каждую строчку и слово, медленно осознавая великие смыслы роста и увядания инь и ян, твердости и податливости, смены периодов расцвета и упадка, а также Небесной Воли и сердец людей.

Над каждой гексаграммой он размышлял снова и снова:

Что такое благоприятное предзнаменование? Благоприятное — это следование Небу, упокоение народа и сохранение праведности.

Что такое зловещее предзнаменование? Зловещее — это пойти против Неба, истязать народ и утратить добродетель.

Что такое наступление? Наступление — это когда благоприятное время, сердца людей и земные условия наличествуют в полной мере.

Что такое отступление? Отступление — это когда излишне выставляешь напоказ свое острие, время еще не пришло, а ты действуешь наперекор силой.

В разгар его усердного чтения из-за двери послышались легкие шаги, и Юань-ши Тяньцзунь, облаченный в бессмертные одежды из цветных облаков, неторопливо вошел в тихую келью. Цзян Цзыя поспешно встал, опустил голову и отвесил глубокий поклон: — Ученик Фэйсюн приветствует Тяньцзуня.

Юань-ши Тяньцзунь слегка кивнул, его взгляд упал на бамбуковый свиток в руках ученика, и он мягко спросил: — Каковы твои успехи и озарения в чтении первой части Чжоу И за это время? Есть ли сомнения? Высказывай всё без утайки.

Цзян Цзыя почтительно ответил: — Ученик глуп и неразумен, но денно и ночью изучая свиток, я кое в чем преуспел, однако многое по-прежнему остается непонятным. Принципы И огромны, они охватывают всё на свете, но ученик постиг лишь их внешнюю сторону, а не внутреннюю; знает лишь форму, но не уловил дух. Особенно там, где образы гексаграмм переплетаются с судьбой государства, чаяниями народа и исходом войн — хотя я и могу проводить предсказания, мне трудно до конца связать всё воедино, и я не смею судить опрометчиво.

Тяньцзунь подошел к нефритовому ложу, присел и жестом пригласил Цзян Цзыя сесть рядом: — Встань и беседуй со мной на равных. Чжоу И — это не мелкое искусство гадания, а великий закон Небесного Пути, управления государством и успокоения народа, ведения войн и совершенствования собственной жизни. «И» означает перемены; «перемены» означают время; «время» означает судьбу; «судьба» означает сердце. Небесный Путь, судьба государства, сердца людей и военные действия — все четыре начала взаимосвязаны и пронизаны единым принципом.

Цзян Цзыя сел с выпрямленной спиной и предельно сосредоточенно слушал, не смея отвлечься ни на секунду.

Тяньцзунь указал пальцем на бамбуковый свиток: — Гексаграмма Цянь символизирует Небо, государя, твердость и крепость. Первая девятка гексаграммы Цянь гласит: скрытый дракон — не используй его. Применительно к твоей нынешней ситуации это означает, что твой талант должен быть глубоко скрыт, время еще не пришло, нельзя действовать опрометчиво, форсировать события или выставлять напоказ свои таланты. Это в точности совпадает с моими прошлыми словами о том, что следует прятать острое, являть простоту и дожидаться истинного правителя. Понимаешь ли ты это?

Цзян Цзыя поклонился: — Ученик понимает. Дракон скрывается в пучине, накапливая скрытые силы и тихо ожидая благоприятного момента. Нельзя действовать безрассудно, ибо любое движение породит хаос, а хаос приведет к упущению шанса.

— Верно, — кивнув, Тяньцзунь продолжил: — Девятка вторая: видимый дракон на поле, благоприятно узреть великого мужа. Это соотносится с Цзи Чаном из Сици — великим мужем Поднебесной и истинным правителем, обладающим великой добродетелью. Фиолетовая ци поднимается вверх, фениксы поют на горе Цишань, и когда ты встретишься с ним, это и станет знамением появления дракона на поле. Соединение правителя и его министра — лишь тогда Поднебесная обретет покой.

Цзян Цзыя тихо спросил: — Тяньцзунь, а что если ученик встретится с Цзи Чаном раньше? Или что будет, если позже?

Тяньцзунь ответил: — Раньше — значит время еще не созрело, силы династии Шан еще не исчерпаны, удельные князья не взбунтовались, а сердца людей еще не сплотились. Даже обладай ты небесными способностями, тебе было бы трудно преуспеть, и ты лишь навлек бы на себя смертельную опасность. Позже — значит война в Поднебесной затянется еще сильнее, простой народ будет скитаться в еще больших страданиях, бедствие введения в Списки

Божеств затянется, а порядок в трех мирах будет трудно установить. Ни рано, ни поздно, а ровно в назначенный час — в этом и заключается истинный путь принципов И.

Цзян Цзыя снова спросил: — Можно ли человеческими усилиями изменить благоприятные или зловещие предзнаменования гексаграмм? Если ди Чжоу вдруг раскается в содеянном и исправится, сместит нечисть, станет по-доброму относиться к простому народу и уменьшит повинности и подати, изменится ли вслед за этим Небесная Воля?

Тяньцзунь легко вздохнул: — Небесный Путь не имеет любимчиков, он всегда на стороне добрых людей. Небесная Воля непостоянна — она целиком и полностью зависит от сердец людей, добродетели и политики. Если бы ди Чжоу смог искренне раскаяться, усердно править и любить народ, превратив сопротивление небу в следование ему, его судьбу, безусловно, можно было бы продлить. Но жаль, что его жестокий нрав укоренился, нечисть творит беспорядки в правительстве, сердца людей полностью утрачены, а небо и земля отвернулись от него. Предзнаменования гексаграмм уже давно предрекли гибель и разрушение без малейшей надежды на возвращение к прежнему. Твой спуск с гор в этот раз — это не провоцирование войны, а следование Небу и ответ людям, пресечение жестокости ради наведения порядка, спасение народа из огня и воды.

Цзян Цзыя сложил руки: — Ученик понял. Принципы И заключены не в гексаграммах, а в людях; не в Небе, а в сердце. Праведно сердце — благоприятны гексаграммы, порочно сердце — зловещи предзнаменования; спокоен народ — процветает государство, страдает народ — гибнет страна.

В глазах Юань-ши Тяньцзуня мелькнуло одобрение: — Ты схватываешь всё на лету, и твоя проницательность превосходит обычных людей. Чудеса Чжоу И как раз в том и заключаются, чтобы ставить человека во главу угла и опираться на добродетель. В будущем, помогая Сици, ведя войска в походы, управляя государством и успокаивая народ, решая важные дела, ты должен брать за основу принципы И, руководствоваться сердцами людей, опираться на человеколюбие и добродетель — тогда ты неизменно будешь преуспевать во всем.

Цзян Цзыя вновь поклонился: — Желаю, чтобы Тяньцзунь ежедневно наставлял меня, постепенно связывая принципы И с Небесной Волей, судьбой государства, ходом войн, чаяниями народа, фэн-шуй и магическими формациями воедино, дабы ученик смог по-настоящему свободно ими пользоваться и не посрамил возложенного на него доверия.

Тяньцзунь кивнул: — Отныне каждый день днем я буду лично читать тебе лекции, разбирая каждую гексаграмму и подробно объясняя каждую линию, связывая принципы И с общей ситуацией в Поднебесной, смутами и порядком в мире людей, наступлением и отступлением армий, отношениями государя и министров, мерами наказаний и наград, правилами введения в Списки Божеств — и буду разбирать это до тех пор, пока ты полностью не прозреешь, не овладеешь всем в совершенстве и не сможешь действовать по своему усмотрению, не нарушая Великого Дао.

С этого дня каждый день на рассвете Юань-ши Тяньцзунь восседал на алтаре во Дворце Юйшуй, читая лекции, и единственным слушателем подле него был Цзян Цзыя.

Тяньцзунь не говорил о пустых бессмертных законах и не предавался абстрактным рассуждениям. Он методично разбирал принципы И, Небесную Волю, судьбу государства, сердца народа, военное дело, чиновничье управление, фэн-шуй, инь и ян, талисманы и указы о введении в Списки Божеств, переводя каждое слово в практическую плоскость:

Гексаграмма Чжунь соотносилась с началом основания государства, успокоением изгнанников, распашкой полей и укреплением фундамента.

Гексаграмма Мэн соответствовала просвещению простого народа, учреждению деревенских школ, пониманию этикета и стыда, дабы нравы в народе стали чистыми.

Гексаграмма Сюй соотносилась с выжиданием благоприятного времени, отказом от жадности и спешки, отказом от суеты и излишнего натиска, переходом к ответным действиям после противника.

Гексаграмма Сун соответствовала судебным делам и тюремным тяжбам, сокращению наказаний и смягчению запретов, замене казней просвещением, улаживанию споров и прекращению тяжкостей.

Гексаграмма Ши соотносилась с походами и войнами, где армия побеждает не числом, а мастерством, полководец берет верх не храбростью, а стратегией, а главнокомандующий силен не властью, а человеколюбием.

Гексаграмма Би соответствовала подчинению удельных князей, сплочению сердец народа, единению государя и министров, согласию верхов и низов.

Цзян Цзыя сидел под алтарем, сжимая в руке бамбуковый свиток, предельно сосредоточенно вслушиваясь и запечатлевая в сердце каждое слово. Время от времени он задавал вопросы, подробно переспрашивая о том, в чем сомневался, а Тяньцзунь терпеливо разъяснял всё без малейшего признака усталости.

— Тяньцзунь, в гексаграмме Ши сказано: «Старейшина — благоприятно, без хулы». Кто такой старейшина?

<http://bllate.org/book/19338/1890992>